

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ И ВЛИЯНИЕ «ПАРТИИ ВОЙНЫ» НА ЭСКАЛАЦИЮ АГАДИРСКОГО КРИЗИСА 1911 ГОДА

А. А. Егоров, О. О. Бойко

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 11 октября 2023 г.

Аннотация: авторы исследуют внешнюю политику Второго Рейха в период Агадирского кризиса 1911 г. и приходят к выводу, что внешняя политика Германии находилась под влиянием так называемой «партии войны». Военные и промышленные элиты Германии использовали попытку наладить отношения с Великобританией рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега в своих интересах. Негласное взаимодействие империалистически настроенных политических, промышленных и военных элит стало весомой предпосылкой Агадирского кризиса 1911 г.

Ключевые слова: Агадирский кризис, внешняя политика Второго Рейха, Вильгельм II, «партия войны».

Abstract: the author explores the foreign policy of the Second Reich during the Agadir Crisis of 1911. The author concludes that Germany's foreign policy was influenced by the so-called «war party». The military and industrial elites of Germany used Chancellor T. Bethmann-Hollweg's attempt to improve relations with Great Britain in their own interests. The informal interaction of politically, industrially, and militarily imperialistic elites became a significant precursor to the Agadir Crisis of 1911.

Key words: Agadir Crisis, foreign policy of the Second Reich, Wilhelm II, «war party».

Современная зарубежная историография внешней политики Германии, в частности, Агадирского кризиса, представлена широким спектром научных работ. Немецкие историки-ревизионисты в значительной мере отошли от школы В. Моммзена, т. е. традиционного восприятия Агадирского кризиса 1911 г. как главного катализатора социальной напряженности Вильгельмовской Германии. Г. Шелльген, Ф. Кислинг [1], Й. Дюльфер, М. Крюгер [2] в рамках общей тенденции ревизионизма истории англо-германских отношений в своих трудах представляют эпоху немецкого империализма в виде тесной взаимосвязи глобальной экономики, империализма как культурного феномена, городской истории и гендерной истории как критически важных элементов в развитии немецкой идентичности в начале XX в. Достаточно детальную картину событий кризисного периода 1911 г. представила немецкий историк Э. Онкен [3]. Автор предприняла попытку изучить роль внешних и внутренних факторов в планировании и управлении кризисом с точки зрения немецких политиков различных партий [Ibid.]. Во французской историографии прослеживается схожая тенденция. Работы французских историков, в частности, Ж. Дюрозеля [4], интересны тем, что авторы интерпретируют империалистическую борьбу через призму проблем

франко-германских экономических отношений в Марокко, делая особый акцент на позиции, занятой определенными франко-британскими кругами, оказавшими влияние на немецкую политику. Детальный анализ персоналий содержится в работах Р. Форсбах [5] и Д. Реля [6]. Первоочередное внимание они уделили деятельности А. Кидерлен-Вехтера, биографии кайзера Вильгельма II и его ближайшего окружения с детальным анализом их личностных качеств [Ibid.]. Тем не менее этим работам присуще преуменьшение роли кайзера в управлении государством. Британский историк Д. Барраклаф [7] сделал попытку дать Агадирскому кризису целостную оценку с помощью изучения отраженных в литературе типичных социальных и культурных практик немцев и их трансформации в периоды военной угрозы для государства. Немецкий политолог Т. Мейер [8] искал причины кризиса в отношении к нему немецкой общественности и выдвинул гипотезу, что государственный секретарь А. Кидерлен-Вехтер в 1911 г. действовал, главным образом, в ее интересах, поскольку недовольство могло быть нивелировано внешнеполитическим успехом [Ibid.].

Англо-германский антагонизм стал быстро набирать обороты после международного Танжерского кризиса 1905–1906 гг., который возник из-за спора Франции и Германии относительно контроля над султанатом Марокко. По итогам Альхесирасской конференции 1906 г. казалось, что проблема Марокко

была решена, но в реальности ни Германия, ни Франция не были удовлетворены достигнутым результатом [9, S. 147]. Каждая из сторон стремилась захватить полный контроль над этой колонией и затем распространить влияние на другие страны Магриба [10]. Речь немецкого канцлера Т. Бетман-Гольвега в рейхстаге после Потсдамской встречи 1910 г. о том, что Германия и Россия не будут вступать в союзы, направленные друг против друга, неприятно поразила французских политиков [11]. В начале 1911 г. французские войска оккупировали Касабланку. Колониальные интересы Франции лежали в экономической сфере: руды, железные дороги. И все же Франция стремилась к большему. Через несколько месяцев она предприняла попытку ползучего захвата страны, в том числе посредством организации восстаний в Марокко [12]. В Великобритании многие либералы-радикалы и некоторые либерал-империалисты всерьез считали, что Германия преследует целью аннексию этой территории для превращения ее в морскую крепость Атлантики, а не колониальные компенсации [13].

В начале марта 1911 г. немецкая канонерская лодка «Пантера» направлялась домой на капитальный ремонт. Ее маршрут пролегал через порты в Тенерифе, Касабланке и Могadore, в которых была возможность пополнить запасы угля [7]. В качестве меры предосторожности 8 марта 1911 г. начальник немецкого штаба адмиралтейства М. Фишель послал запрос в МИД, чтобы выяснить, существуют ли опасения по поводу захода в эти три порта [14, S. 203]. После этого запроса 12 марта лодке было приказано проследовать в Агадир [Ibid.]. Также с официальной должности был смещен М. Фишель. Его место занял А. Херинген, человек, который ранее в своей карьере направлял деятельность идеологических центров империалистической экспансии, таких как «Пангерманская лига» и «Колониальное общество» [7]. Британский историк Д. Рель в своей работе «Вильгельм II – Дорога в бездну 1900–1914» цитирует слова кайзера из телеграммы рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу от 30 апреля 1911 г.: «...это может быть правильно для нас только в том случае, если французы активно вмешиваются в Марокко с войсками и деньгами, и я считаю, что не в наших интересах предотвращать это...» [6, S. 846]. Также Д. Рель отмечает, что в отличие от Вильгельма II, немецкий дипломат А. Кидерлен-Вехтер был полон решимости использовать надвигающуюся французскую оккупацию Феса, чтобы добиться прогресса...» [7, S. 147]. Важно подчеркнуть, что 3 мая 1911 г. он изложил кайзеру свой план военного вторжения в Марокко [15]. В нем дипломат всячески оправдывал необходимость вмешательства Германии: «Оккупация Феса проложила бы путь к поглощению Марокко Франци-

ей. Мы ничего не добились бы посредством протестов и поэтому потерпели бы моральное поражение. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могadore и Агадире. Немецкие корабли могли бы направиться в эти гавани для охраны этих фирм. Следующие переговоры обеспечат достижение цели, которая заставит французов склониться к компенсации» [Ibid.]. Данный документ четко иллюстрирует цели экономической элиты представителей так называемой «партии войны». Кайзер Вильгельм II полностью согласился с высказываниями А. Кидерлен-Вехтера и таким образом одобрил идеи представителей «партии войны» [Ibid., p. 176–177]. Следует отметить, что в своих мемуарах немецкий дипломат подтверждал этот факт: «Император полностью одобрил мою программу (включая корабли для Агадира)...» [16]. Как заметил один из представителей «партии войны» А. Баллин, статс-секретарь МИД Германии А. Кидерлен-Вехтер и рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег были обеспокоены тем, что в тот момент, когда корабли уже были готовы к отплытию, все могло рухнуть из-за отказа кайзера разрешить их отправку. Именно поэтому 25 июня немецкий канцлер проинформировал близкого друга кайзера, немецкого промышленника А. Баллина, о планах правительства и попросил его «подготовить» кайзера [15, p. 177]. Стоит отметить, что лично А. Баллин не имел никаких деловых интересов в Марокко, в отличие от дворянина и бизнесмена Г. Олендорфа, члена правления корпорации А. Баллина, который ранее подписал циркуляр другой «пешки» канцлера Т. Бетман-Гольвега, а именно немецко-британского банкира и директора организации «Общество Гамбург-Марокко» В. Регенданца. Банкир одним из первых стал убеждать коллег в необходимости аннексии юга Марокко. Кроме того, он лично находился на корабле «Пантера», отправленном в Агадир [Ibid., p. 178]. А. Кидерлен-Вехтер без особых проблем снова получил одобрение от кайзера после его беседы с А. Баллином [13, S. 177–178]. Министерство иностранных дел Второго Рейха заранее подготовило немецкую прессу к этой акции и призвало ее энергично вести кампанию за немецкую аннексию юга Марокко. А. Кидерлен-Вехтер даже пошел на сотрудничество с Пангерманской ассоциацией и ее председателем Г. Класом [14, S. 122]. По его убедительной просьбе последний опубликовал пропагандистскую брошюру под названием «Немецкий Марокко» [16]. Г. Клас был удобным инструментом для А. Кидерлен-Вехтера. Яркий националист и пангерманист Г. Клас с молодости ненавидел Францию и Великобританию и еще с начала 1900-х гг. выступал за скорейшую войну, которая должна была привести германский Рейх к мировому господству. Здесь стоит обратить внимание на гипотезу, выдвинутую немецким историком К. Канисом [10]. Он утверждал, что в стратегическом

отношении французы хотели, чтобы Антанта продемонстрировала свою жизнеспособность, ведь они считали, что Марокко уже было гарантировано Франции в 1904 г. в соответствии с соглашениями Антанты, поэтому и пошли на постепенный захват колонии [Ibid.]. Нельзя упускать из виду, что куда больше немецких военных и промышленников беспокоили даже не месторождения полезных ископаемых, а отказ Франции от строительства совместной железнодорожной линии из Германского Камеруна во Французское Конго, которая позже будет продолжена через Бельгийское Конго в Германскую Восточную Африку [Ibid.]. Заменой канонерской лодке «Пантера» стал небольшой крейсер «Берлин», который 27 июня 1911 г. отправился к побережью Западной Африки с приказом подготовиться к войне [11, S. 152]. Рупором британского правительства Г. Асквита стал министр финансов Д. Ллойд Джордж. В своей речи 21 июля 1911 г. он ясно дал понять, что без учета британских интересов решить в чью-то пользу марокканский кризис не выйдет [17, p. 224]. Вильгельм II был недоволен таким развитием событий в отличие от представителей так называемой «партии войны» [11, S. 213–214]. Германский рейх не имел значительных интересов в Марокко, но было несколько отдельных частных немецких компаний, для которых были исключительно важны местные ископаемые. Например, немецкий изобретатель и предприниматель Р. Маннесманн, основатель компании «Mannesmann-Morokko», еще с 1907 г. активно занимался там торговлей, сельским хозяйством и горнодобывающей деятельностью. Собственность его семьи на территории султаната к 1914 г. была оценена в одну восьмую всех активов Германии в Марокко [5]. «Mannesmannrohren-Werke AG» уже к 1908 г. из производителя чистой стали превратился в целую металлургическую группу полного цикла [18]. Позже во время войны их заводы производили оружие и боеприпасы под руководством К. Маннесмана, что являлось дополнительным фактом в копилку важности фирмы именно для военного руководства Рейха, в частности, А. Тирпица [8]. Другой крупнейшей частной немецкой компанией, работающей в Марокко, была «Hamburg-Morokko-Gesellschaft» М. Варбурга, которая занимались добычей руды [18]. Исходя из текста мемуаров немецкого адмирала А. Тирпица можно сделать вывод, что Г. Асквит и Р. Халдейн ошибались [19]. Адмирал сам по себе не стремился создать в Марокко новую военно-морскую базу. В его планы входило расширение военно-морской базы в Циндао в Китае [4]. Важно отметить, что, в сущности, эксплуатировать порт Агадира в качестве угольной станции не имело особого смысла, так как А. Тирпиц строил боевой флот, дислоцировавшийся в Северном море, ведь это было куда более значительным рычагом

давления на Британию [5]. Рудные месторождения Марокко к 1911 г. по-прежнему представляли интерес для банковского дома Ротшильдов, коллег А. Круппа и других представителей рейнской тяжелой промышленности и бизнеса [13]. Несколько месяцев министр иностранных дел Великобритании Э. Грей не мог получить четкого ответа от немецкого посла П. Меттерниха насчет того, каких именно уступок немцы ждут от Франции. В конечном итоге возникли опасения, что Марокко будет разделено на три части между Испанией, Францией и Германией без учета британских интересов [20, p. 272]. Важный нюанс можно почерпнуть из телеграммы рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега немецкому послу в Лондоне П. Меттерниху от 27 августа 1911 г. Рейхсканцлер был крайне недоволен статьей, опубликованной 25 августа 1911 г. в газете «Neue Freie Presse», в которой цитируют английского дипломата Ф. Картрайта [13]. В статье Ф. Картрайт утверждал: «За отправкой “Пантеры” в Агадир и за всей внешней политикой Германии стоит не немецкий народ, а лишь определенная безжалостная клика...». Также дипломат был уверен в следующем: «Окружение императора, по видимому, вдохновило его на шаг в сторону Агадира... В этом и заключается главный удар немецкой дипломатии, за ним стоит олигархия...» [Ibid., S. 237–238]. Паника на немецком фондовом рынке и послание русского посла А. Извольского, который дал понять Франции, что жизненные интересы России не затронуты в Марокко и, соответственно, поддержки не будет – эти факторы во многом подталкивали обе стороны к мирному соглашению. В Германии разразились бурная критика и негодование по поводу правительства Т. Бетман-Гольвега, которое не смогло защитить Германию и ее национальные интересы [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что Т. Бетман-Гольвег стремился добиться улучшения отношений с Британией с помощью Марокканского кризиса. Он вел умелую игру и не желал развязать большую войну из-за Марокко или уступок территорий в Конго. Также он предполагал, что таким способом сможет дистанцировать Великобританию от Франции. Дипломат А. Кидерлен-Вехтер, в свою очередь, сумел подготовить общественное мнение в Германии к акции в Марокко. Важно подчеркнуть, что никакие немецкие крупномасштабные колониальные приобретения против Франции и Великобритании не были дипломатически возможны. Было только два варианта: либо установить более доверительные отношения с Великобританией несмотря на все разногласия, либо реализовать глобальные политические намерения посредством перевооружения. Попытка сыграть на неудовлетворенности результатами первого Марокканского кризиса и ослабить британское правительство для Второго Рейха оказалась тщетна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schöllgen G. Das Zeitalter des Imperialismus / G. Schöllgen, F. Kießling. – München : Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2009. – 215 S.
2. Dülffer J. Vermiedene Kriege : Deeskalation von Konflikten der Großmächte zwischen Krimkrieg und Erstem Weltkrieg, 1865–1914 / J. Dülffer, M. Kröger. – München : Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1997. – 717 S.
3. Oncken E. Panthersprung nach Agadir : die deutsche Politik während der zweiten Marokkokrise 1911 / E. Oncken. – Michigan : Droste, 1981. – 477 p.
4. Duroselle J. Agadir 1911 une crise imperialiste en Europe pour la conquete du Maroc / J. Duroselle. – Paris : Presses universitaires de France, 1976. – 471 p.
5. Forsbach R. Alfred von Kiderlen-Wächter (1852–1912) : Ein Diplomatenleben im Kaiserreich. Zugl / R. Forsbach. – Bonn : University press, 1997. – 430 S.
6. Röhl J. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. Und die deutsche Politik / J. Röhl. – München : Beck, 1993. – 1611 S.
7. Barraclough G. From Agadir to Armageddon : anatomy of a crisis / G. Barraclough. – New York : Holmes and Meier, 1982. – 216 p.
8. Meyer T. Alfred von Kiderlen-Wächters «Panthersprung nach Agadir» unter dem Druck der öffentlichen Meinung / T. Meyer. – Berlin : Matthiesen, 1996. – 348 S.
9. Die Grose Politik der europeischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des AuswSrtigen Amtes. Bd. 24. – Berlin, 1927. – 510 S.
10. Canis K. Der Weg in den Abgrund: deutsche Ausenpolitik 1902–1914 / K. Canis. – Berlin : Schöningh, 2011. – 719 S.
11. Schmidt R. Kaiserdämmerung. Berlin, London, Paris, St. Petersburg und der Weg in den Untergang / R. Schmidt. – Stuttgart : Klett-Cotta, 2021. – 816 S.
12. Marder A. From the Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fischer Era, 1904–1919 / A. Marder. – Oxford : Oxford University Press, 1961. – 480 p.
13. Die Grose Politik der europeischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 29. – Berlin, 1927. – 470 S.
14. Yäckh E. Alfred von Kiderlen-Wächter. Der Staatsmann und Mensch / E. Yäckh. – Stuttgart : Deutsche verlags-anstalt, 1924. – 233 S.
15. Lamar C. Albert Ballin : business and politics in imperial Germany, 1888–1918 / C. Lamar. – New Jersey : Princeton University Press, 1967. – 395 p.
16. Class H. West-Marokko deutsch / H. Class. – München : Lehmann, 1911. – 36 S.
17. Grey E. 25 Jahre Politik 1892–1916 / E. Grey. – London : Hodder and Stoughton, 1926. – 329 p.
18. Wessel H. Mannesmann 1890 : A European Enterprise with an International Perspective / H. Wessel // The Journal of European Economic History. – 2000. – Vol. 29. – P. 335–356.
19. Tirpitz A. My memoirs / A. Tirpitz. – London : Hurst & Blackett, 1919. – 328 p.
20. Hinsley F. British foreign policy under Sir Edward Grey / F. Hinsley. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 720 p.

Южный федеральный университет

Егоров А. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: egorov_1799@mail.ru

Бойко О. О., аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: oboiko@sfedu.ru

Southern Federal University

Egorov A. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: egorov_1799@mail.ru

Boyko O. O., Post-graduate Student of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: oboiko@sfedu.ru